

Кубатбек РАХИМОВ
Акбермет АЗИЗОВА

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗНОСКОРОСТНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В ЕАЭС

Дата поступления в редакцию: 12.11.2021.

Для цитирования: Рахимов К. К., Азизова А. А., 2021. Перспективы разноскоростной интеграции в ЕАЭС. – Геоэкономика энергетики. № 4 (16). С. 109-119.
DOI: 10.48137/2687-0703_2021_16_4_109

В статье рассмотрено историческое развитие разноскоростной формы интеграции в ЕАЭС, её нынешнее состояние и перспективы при условии расширения и углубления связей на примере Европейского союза. Само формирование такой интеграционной единицы на мировой сцене есть показатель разноскоростной модели, при которой каждое государство идёт на более тесное сотрудничество в том ритме, который позволяют её возможности и интересы. ЕАЭС сформировался как результат процесса евразийской интеграции, который готовился ещё в рамках СНГ, Таможенного союза и ЕвразЭС. Авторы выделяют необходимость адаптировать модель сотрудничества исходя из вызовов и новых реалий. Приводится пример РКФР (Российско-Киргизский фонд развития) как одного из механизмов разноскоростной интеграции, который применяется в процессе интеграции Кыргызской Республики в ЕАЭС. Предлагается расширить практику РКФР, развивать проектную деятельность союза в рамках Евразийского банка развития и применять её на уровне ЕАЭС при расширении союза или углублении связей её государств.

РАХИМОВ Кубатбек Калыевич, доктор экономических наук, исполнительный директор ОФ «Аппликата – Центр стратегических решений». Адрес: Кыргызская Республика, г. Бишкек, 720001, ул. Исанова, 79-808. E-mail: kubat.rakhimov@gmail.com. ORCID: 0000-0003-3756-9375.

АЗИЗОВА Акбермет Бакытовна, магистрант кафедры теории и истории международных отношений, РУДН. Адрес: Российская Федерация, г. Москва, 117198, ул. Миклухо-Маклая, 6. E-mail: azizova.akbermet@gmail.com.

Ключевые слова: разноскоростная интеграция, Евразийский экономический союз, Европейский союз, СНГ, РКФР, расширение и углубление, механизмы, перспективы.

Формирование региональных объединений требует стабильности и в то же время гибкости, то есть способности приспосабливаться к новым вызовам и постоянно меняющимся условиям. В международном опыте интеграции проявились сложности при разрешении вопросов совместной экономической деятельности, проведении общей политики и других касающихся интеграции аспектов. Особенно это проявляется, когда у стран-участниц неравные позиции и в процессе интеграции перестраивается экономика.

Одинаковый уровень экономического развития или потенциала стран служил бы главной предпосылкой эффективной экономической интеграции. Таких случаев очень мало в мировом опыте. Как отмечают Николай Абросимов и Дмитрий Шевченко, «в каждом регионе есть лидер или же главенствующая группа, которые тянут за собой остальные страны. Такой характер объединения называется асимметричным» [Абросимов, Шевченко, 2017: 37]. В своём исследовании они рассмотрели ЕАЭС во главе с Российской Федерацией, НАФТА во главе с США и ЕС с главенствующей группой региональных экономических держав: Германией, Францией, Италией, Испанией.

Очевидное главенство не всегда даёт право и привилегию диктовать условия другим членам — участникам объединений. В таком контексте часто страны ищут новые варианты взаимодействия между собой или между наиболее приближёнными в экономическом, политическом и культурном плане государствами.

В постсоветском пространстве представляется похожий процесс интеграции, хотя и с некоторыми отличиями. Как утверждал Кирилл Коктыш, «Евразийский экономический союз возник в результате того, что в рамках СНГ договориться по самому широкому спектру вопросов не удалось из-за числа участников и отсутствия взаимного доверия внутри него, именно поэтому и был выделен узкий круг вопросов, по которым и договорились Россия, Белоруссия и Казахстан, а ещё две страны присоединились вскоре после формирования организации»¹.

С этой точки зрения ЕАЭС представляется субрегиональной организацией и стремлением некоторых государств к более тесной интеграции. Не все страны СНГ готовы вступить в неё, но каждая из них имеет потенциал.

Михаил Кротов и Валерий Мунтиян анализировали историю формирования Евразийского союза в 2015 г. и констатировали, что «ЕАЭС является результатом процесса евразийской интеграции, который готовился ещё в рамках СНГ, Таможенного союза, ЕвразЭС. В своём развитии евразийская экономическая интеграция прошла два этапа: Таможенный союз и Единое экономическое пространство — и затем наступил этап Евразийского экономического союза» [Кротов, Мунтиян, 2015: 33].

¹ Сегодня в Астане поставлена точка в создании Евразийского экономического союза // <http://echo.msk.ru/news/1329978-echo.html>, дата обращения 17.11.2021.

Однако, по итогам анализа Владимира Троицкого, разноскоростной вид интеграции всегда имел место быть в правовых документах СНГ и Единого экономического пространства (ЕЭП). Например, в статье 5 соглашения: «ЕЭП формируется поэтапно, с учётом возможности разноуровневой и разноскоростной интеграции... Разноуровневая и разноскоростная интеграция означает, что каждая Сторона самостоятельно определяет, в каких из направлений развития интеграции или отдельных интеграционных мероприятиях она принимает участие и в каком объёме» [Соглашение о формировании ЕЭП, 2003].

Упоминание же о разноуровневой и разноскоростной интеграции можно встретить в целом ряде документов. *Во-первых*, в Меморандуме Совета глав государств Содружества Независимых Государств «Основные направления интеграционного развития Содружества Независимых Государств», который гласит: «Сохранение возможности разноскоростного движения в Содружестве, многовариантности форм участия в его деятельности позволит гибко учитывать интересы партнёров, их возможные особые позиции, продвигаться по пути углубления интеграции между теми странами, которые готовы к более тесному взаимодействию в различных сферах» [Решение о Меморандуме..., 1994]. *Во-вторых*, в Концепции экономического интеграционного развития Содружества Независимых Государств от 28 марта 1997 г., в которой указывается на «уровни разноскоростной интеграции как на ориентиры межгосударственного сотрудничества в сфере экономики» [Решение о проекте Концепции..., 1997].

Таким образом, международная организация экономической интеграции в этом региональном пространстве была учреждена после подписания Договора о Евразийском экономическом союзе в 2014 г. и вступила в силу 1 января 2015 г. [Договор..., 2014].

На данном этапе государствами — членами Евразийского экономического союза являются Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика и Российская Федерация. М. Кротов и В. Мунтиян исключали мысль о том, что страны содружества (СНГ) прошли «точку невозврата» в интеграционных процессах, считая неправильным лишать любые страны СНГ и их народы перспективы глубокой связи с ведущими странами интеграционных процессов: «...на практике подключение стран-кандидатов к евразийской интеграции по мере их готовности может быть многоступенчатым: зона свободной торговли, Таможенный союз, Единое экономическое пространство, полноценный Евразийский экономический союз» [Кротов, Мунтиян, 2015: 33].

Такой процесс сужения и углубления сотрудничества укрепил связи между государствами — членами ЕАЭС по сравнению с ситуацией в СНГ, поскольку членство в союзе обязывает участников гарантировать свободное перемещение товаров, услуг, капиталов и рабочей силы, а также согласо-

ванно вести политику в главных секторах экономики: энергетике, промышленности, сельском хозяйстве, транспорте.

Исходя из договора целями создания такого интеграционного союза являются всесторонняя модернизация, сотрудничество и повышение конкурентоспособности национальных экономик на мировом рынке и создание условий для развития. Учёные предупредили о крайностях при определении будущих границ ЕАЭС – например, это неоправданное стремление расширения без выполнения кандидатами в Евразийский экономический союз всех необходимых условий, учитывая опыт Европейского союза. В то же время каждая страна СНГ имеет шанс вступить в тесный союз по мере готовности. Это и есть разносторонняя модель интеграции, которую практикует ЕАЭС, требующая более внимательного изучения. Институтом законодательства и сравнительного правоведения сделан вывод в процессе моделирования интеграционных процессов и документов начиная с 1990 года, что «создание Евразийского экономического союза предполагает обеспечение, с одной стороны, устойчивости союза, а с другой – динамизма его развития, способности приспосабливаться к постоянно меняющимся экономическим, социальным и международным условиям» [Хабриева, 2013: 21]. Европейский союз может служить примером жизнедеятельности организации, потому что он примиряет различные формы интеграции в своём процессе углубления и расширения, принимая вызовы в часто меняющихся реалиях.

Общий международный опыт к сегодняшнему дню показал трудность решения задач одновременно всеми государствами, которые являются членами той или иной интеграционной организации. Есть много факторов, порождающих сложности в процессе сотрудничества. Такие союзные организации имеют склонность расширяться и углубляться с течением времени. В такой постоянной динамике новые формы и модели интеграции служат решением задач.

Европейскому союзу всегда необходимо было сталкиваться с последствиями расширения и удовлетворять все требования разнообразного общества. Людмила Бабынина утверждает, что следствием таких процессов явились значительные различия у членов союза в интересах и возможностях, а также в понимании целей и задач интеграции, «реакцией на рост качественных различий внутри группировки и сложности при поиске устраивающих всех решений стало отступление от единовременного и единообразного продвижения интеграции» [Бабынина, 2010: 34]. Таким образом, в союзе с давних пор появилась гибкая форма интеграции и её главные виды были зафиксированы во всех основополагающих договорах. Если «Маастрихтский договор ввёл фактическое функционирование гибкой интеграции в важных областях деятельности ЕС и закрепил существование системы исключений» [Бабынина, 2010: 34], то в Амстердамском договоре «конституционное закрепление концепции гибкости было одним из немно-

гих новых институциональных отклонений» [*Philippart, Edwards, 1999: 4*]. По исследованиям этих же авторов, в Амстердамском договоре фактически было закреплено применение разнообразных типов и форм гибкой интеграции, таких как изменяемая геометрия — продвинутое сотрудничество, заранее определённая гибкость, *case-by-case*, разноскоростная интеграция.

Как отмечает Л. Бабынина, эти положения о продвинутом сотрудничестве были приняты на грядущее расширение как инструмент улучшения интеграции, с учётом того что Европейский союз будет состоять из 27—30 разнообразных государств, «положения о продвинутом сотрудничестве Амстердамского договора стали элементом перестройки структуры ЕС перед расширением, демонстрацией противоречивого отношения к грядущему расширению и процессу адаптации новых государств-членов» [*Бабынина, 2010: 35*].

Евразийский экономический союз неизбежно столкнётся с вызовами, которые Европейский союз пытается разрешить новыми подходами и разными методами, чтобы достичь общих целей интеграции. На данном этапе гибкая интеграция служит ответом на вопросы функционирования Европейского союза в составе 27—30 государств. Само происхождение ЕАЭС есть некая форма разноскоростной интеграции, которую создали три государства СНГ, готовые к более тесному сотрудничеству, потом союз пополнился Киргизией и Арменией.

На заседаниях казахстанского общественного фонда «Мир Евразии» и российского экспертного клуба «Сибирь Евразия» многие эксперты отметили, что «наиболее реален с сегодняшней точки зрения сценарий разноскоростной интеграции, когда каждая страна продвигается по пути приближения к общей для всех цели в том ритме, который позволяют её возможности и её интересы» [*Поletaев, 2017*]. Так же как ЕС, ЕАЭС продолжит расширять свои границы, по словам экс-председателя коллегии ЕЭК Т. Саркисяна, «ЕАЭС практикует механизмы для привлечения интереса других стран для сотрудничества». Он подчеркнул, что соглашения о свободной торговле не являются единственным инструментом, при помощи которого ЕАЭС расширяет своё международную деятельность. Также он сказал, что «около 50 стран по всему миру желают сотрудничать с ЕАЭС, а некоторые поднимают вопрос о присоединении к нашему союзу» [*Ramani, 2018*].

На данный момент союз включает лишь пять государств, но нельзя исключать перспективы расширения, а самое главное — углубление связей между этими странами.

Ярким примером может служить присоединение Киргизии к этому союзу. Президент Киргизии и главы стран ЕАЭС подписали протоколы о вступлении в Евразийский экономический союз 8 мая 2015 г. в Москве на первом саммите ЕАЭС. Ряд процедур были проведены для подготовки и для дальнейшего улучшения позиции Киргизии в организации. Бишкеку представлены дополнительные льготы, увеличена доля от общих таможен-

ных сборов ЕАЭС до 1,9 % и обеспечен ряд торгово-экономических преференций на пять лет.

Одним из важных инструментов интеграции послужило создание Российско-Киргизского фонда развития (РКФР), целью которого является содействие экономическому сотрудничеству между Киргизией и Россией, модернизации и развитию национальной экономики путём восстановления и развитие промышленности страны. РКФР является важнейшим инструментом процесса интеграции Кыргызской Республики в Евразийский экономический союз. По мнению ряда экспертов, подобная практика формирования «зон исключений» может создать неблагоприятный прецедент с учётом вероятного расширения ЕАЭС. Такой индивидуальный и гибкий подход к расширению границ ЕАЭС является неким показателем разноскоростной интеграции с обеспечением пакета поддержки для более скоростного развития, чтобы соответствовать стандартам организации.

Но учёные утверждают, что такая практика должна быть системной и общепринятой, «необходимы консолидированные экономическое, социальное и экономико-правовое пространства, единство институализированных “правил игры” для всех участников одновременно с активизацией механизмов обеспечения гибкого учёта интересов отдельных стран-участниц» [Проблемы и перспективы расширения ЕАЭС, 2016: 135]. От эффективности таких исключений зависят будущее качество и размеры интеграции, а также её привлекательность.

Однако есть показатели, которые доказывают, что интеграция на такой почве возможна и практична, «когда проходила модернизация сахарных заводов в Киргизии: там была реализована очень интересная, по сути — классическая евразийская схема. В ней участвовали белорусские подрядчики, при этом деньги выделялись Российско-Киргизским фондом развития, а рынком сбыта являлся в том числе Казахстан, то есть были вовлечены четыре страны» [Рахимов, 2020].

Такой курс расширения является по-настоящему прагматичным и устраняет опасения государств относительно «неоимперского» курса. Официальное признание разноскоростной модели интеграции на уровне институтов ЕАЭС помогло бы избежать таких обвинений и построить эффективную систему интеграции при присоединении новых членов и партнёров к союзу.

Однако существует более тесная связь между некоторыми членами ЕАЭС. Речь идёт о Союзном государстве в лице России и Белоруссии. Договор опирается на общность их исторических судеб, культурных и религиозных особенностей. Также этот союз поэтапно организывает единое пространство, включая политические, экономические, военные, таможенные, валютные, юридические, гуманитарные и культурные аспекты. Как заметили Абросимов и Шевченко, «сегодня Союзное государство представляет собой “закрытый клуб” и яркий пример субрегиональной интеграции,

уровень которой пока недостижим для третьих стран региона» [Абросимов, Шевченко, 2017: 38].

При систематизировании модели интеграции нужно учесть разноразнообразие всех государств в союзе и их связи между собой. При ожидании дальнейшего расширения и углубления, что неизбежно для международных организаций, появляется необходимость иметь чёткие механизмы для решения тех или иных проблем при подготовке новых членов для вступления в договор и при углублении связи между союзниками в рамках организации. Тогда как Европейский союз внедрил гибкую форму интеграции с учётом многих особенностей, желаний и интересов государств, ЕАЭС ещё предстоит столкнуться с новыми вызовами при развитии масштабов сотрудничества и развивать соответствующую модель интеграции. Однако проектная деятельность Киргизии с Россией, возникшая при вступлении Киргизии в Евразийский экономический союз, результатом чего был создан фонд развития с капиталом 500 млн долл., есть показатель прагматичного подхода к процессу интеграции.

Разный уровень экономического состояния государств ограничивает эффективное и равное сотрудничество в рамках международных/региональных организаций. В таком случае соответствие правовых норм таких государств с договором союза недостаточно. Поэтому такой механизм, как РКФР, может быть масштабирован и внедрён на уровне институтов ЕАЭС. К примеру, есть Евразийский банк развития и Евразийский фонд стабилизации и развития. Однако в этих институтах есть Таджикистан, который не является членом ЕАЭС.

В то же время есть отдельная единица (Союзное государство) в лице России и Белоруссии с более тесной связью. Это является показателем того, что страны на разных уровнях и по разным причинам готовы вступать в те или иные союзы. Разноскоростная интеграция в какой-то мере объясняет историю развития сотрудничества в евразийском пространстве и возникновения ЕАЭС, но она же его привела к определённым диссонансам и разнонаправленным тенденциям. Поэтому стоит отметить, что рано или поздно появится необходимость упорядочить систему под одну модель ядра с соответствующими инструментами и опциями. В любом случае интеграционные процессы на постсоветском пространстве вполне соответствуют мировым тенденциям и, несмотря на наличие своих родовых черт, в целом корректно описываются существующим инструментарием научного анализа.

Что касается потенциальных схем взаимодействия внутри ЕАЭС, то вполне можно и нужно говорить о поглощении темы того же союза России и Белоруссии повесткой ЕАЭС, а также выстраивании эффективных двоек и троек стран, готовых к более глубокой интеграции, включая политическую, внутри уже существующего интеграционного объединения.

Список литературы

Договор о Евразийском экономическом союзе, 2014 // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/, дата обращения 05.11.2021.

Решение о Меморандуме Совета глав государств Содружества Независимых Государств «Основные направления интеграционного развития Содружества Независимых Государств» и Перспективном плане интеграционного развития Содружества Независимых Государств // <https://docs.cntd.ru/document/1901116>, дата обращения 05.11.2021.

Решение о проекте Концепции экономического интеграционного развития Содружества Независимых Государств // <https://docs.cntd.ru/document/8318052>, дата обращения 05.11.2021.

Соглашение о формировании Единого экономического пространства, 2003 // <http://www.kremlin.ru/supplement/1715>, дата обращения 05.11.2021.

Абросимов Н. В., Шевченко Д. Г., 2017. Разноскоростная интеграция в региональных объединениях // Экономика: внешняя и внутренняя динамика. № 5. С. 36–41.

Бабынина Л., 2010. Гибкая интеграция в ЕС: Классификация и проблемы институализации // Мировая экономика и международные отношения. № 6. С. 31–37. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2010-6-31-37>.

Бирюков С. В., Барсуков, А. М., Березняков, Д. В., Козлов С. В., 2016. Проблемы и перспективы расширения ЕАЭС // Свободная мысль. № 5. С. 131–142.

Кротов М. И., Мунтиян В. И., 2015. Евразийский экономический союз: история, особенности, перспективы // Управленческое консультирование. № 11 (83). С. 33–47.

Полетаев Э., 2017. Разноскоростная интеграция и другие тренды ЕАЭС. Мир перемен // <http://mirperemen.net/2017/10/raznoskorostnaya-integraciya-i-drugie-trendy-caes/>, дата обращения 05.11.2021.

Рахимов К., 2020. Евразийскому союзу нужна перезагрузка // <https://eurasia.expert/kubat-rakhimov-evraziyskomu-soyuzu-nuzhna-perezagruzka/>, дата обращения 05.11.2021.

Троицкий В. А., 2005. Правовые основы асимметричной интеграции в рамках соглашения о едином экономическом пространстве // Проблемы современной экономики. № 1/2. С. 13–14.

Хабриева Т. Я. 2013. О правовых контурах и координатах евразийской интеграции // Проблемы современной экономики. № 3 (47). С. 21–23.

Philippart E., Edwards G., 1999. The Provisions on Closer Co-operation in the Treaty of Amsterdam: The Politics of Flexibility in the European Union // JCMS: Journal of Common Market Studies. No. 37. Pp. 87–108. <https://doi.org/10.1111/1468-5965.00151>.

Ramani S., 2017. Interview: Tigran Sargsyan on the Eurasian Economic Union // <https://thediplomat.com/2017/10/interview-tigran-sargsyan-on-the-eurasian-economic-union/>, дата обращения 05.11.2021.

Сегодня в Астане поставлена точка в создании Евразийского экономического союза // <http://echo.msk.ru/news/1329978-echo.html>, дата обращения 05.11.2021.

RAKHIMOV Kubatbek K.,

D. Sc. (Economics), CEO of Applicata – Center for Strategic Solutions.

Address: 79-808, Isanova str., Bishkek, 720001, Kyrgyz Republic

E-mail: kubat.rakhimov@gmail.com

ORCID: 0000-0003-3756-9375

AZIZOVA Akbermet B.,

master student of Theory and History of International Relations Department, RUDN University

E-mail: azizova.akbermet@gmail.com

Address: 6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

PROSPECTS FOR MULTI-SPEED INTEGRATION IN THE EAEU

DOI: 10.48137/2687-0703_2021_16_4_109

Received: 12.11.2021.

For citation: *Rakhimov K. K., Azizova A. A., 2021. Prospects for Multi-Speed Integration in the EAEU. – Geoeconomics of Energetics. № 4 (16). P. 109-119. DOI: 10.48137/2687-0703_2021_16_4_109*

Keywords: multi-speed integration, Eurasian Economic Union, European Union, CIS, RKDF, expansion and deepening, mechanisms, prospects.

Abstract

The historical development of multi-speed form of integration in the EAEU is considered in the article. The very formation of such an integration unit on the international stage is an indicator of a multi-speed model in which the state goes into closer cooperation in the speed that is dependent on its capabilities and interests. Hence the EAEU was formed as a result of the Eurasian integration process, which had been carried out within the framework of the CIS, the Customs Community and the Eurasian Economic Community. The necessity to adapt new functional models to deal with the challenges of new reality is highlighted. RKDF (Russian-Kyrgyz Development Fund) is mentioned as an instance of one of the mechanisms of multi-speed integration, which is used in the process of integration of the Kyrgyz Republic into the EAEU. It is proposed to expand the practice of the RKDF and develop the project activities of the union within the framework of the Eurasian Development Bank and apply it on the scale of the EAEU when expanding the union or deepening the ties of its member states.

References

Treaty on the Eurasian Economic Union, 2014 // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/, accessed 05.11.2021. (In Russ.)

Decision on the Memorandum of the Council of Heads of State of the Commonwealth of Independent States “Main directions of integration development of the Commonwealth of Independent States” and the Long-term Plan of integration development of the Commonwealth of Independent States // <https://docs.cntd.ru/document/1901116>, accessed 05.11.2021. (In Russ.)

Decision on the draft Concept of Economic Integration development of the Commonwealth of Independent States // <https://docs.cntd.ru/document/8318052>, accessed 05.11.2021. (In Russ.)

Agreement on the formation of a Single Economic Space, 2003 // <http://www.kremlin.ru/supplement/1715>, accessed 05.11.2021. (In Russ.)

Abrosimov N. V., Shevchenko D. G., 2017. Multi-speed integration in regional associations // Economics: External and Internal Dynamics. No. 5. Pp. 36–41. (In Russ.)

Babynina L., 2010. Flexible Integration in the EU: Classification and problems of institutionalization // World Economy and International Relations. No. 6. Pp. 31–37. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2010-6-31-37> (In Russ.)

Biryukov S. V., Barsukov A. M., Bereznyakov D. V., Kozlov S. V., 2016. Problems and prospects of the EAEU expansion // Free Thought. No. 5. Pp. 131–142. (In Russ.)

Krotov M. I., Muntiyar V. I., 2015. The Eurasian Economic Union: history, features, prospects // Management Consulting. No. 11 (83). Pp. 33–47. (In Russ.)

Poletaev E., 2017. Multi-speed integration and other trends of the EAEU. The World of Change // <http://mirperemen.net/2017/10/raznoskorostnaya-integraciya-i-drugie-trendy-eaes/>, accessed 05.11.2021. (In Russ.)

Rakhimov K., 2020. The Eurasian Union needs a reboot // <https://eurasia.expert/kubat-rakhimov-evraziyskomu-soyuzu-nuzhna-perezagruzka/>, accessed 05.11.2021. (In Russ.)

Troitsky V. A., 2005. Legal Bases of Asymmetric Integration within The Framework of The Agreement on The Common Economic Space // Problems of the Modern Economy. No. 1/2. Pp. 13–14. (In Russ.)

Khabrieva T. Ya., 2013. About the legal contours and coordinates of the Eurasian integration // Problems of Modern Economy. No. 3 (47). Pp. 21–23. (In Russ.)

Philippart E., Edwards G., 1999. The Provisions on Closer Co-operation in the Treaty of Amsterdam: The Politics of Flexibility in the European Union // JCMS: Journal of Common Market Studies. No. 37. Pp. 87–108. <https://doi.org/10.1111/1468-5965.00151> (In Eng.)

Ramani S., 2017. Interview: Tigran Sargsyan on the Eurasian Economic Union // <https://thediplomat.com/2017/10/interview-tigran-sargsyan-on-the-eurasian-economic-union/>, accessed 05.11.2021. (In Eng.)

Today, Astana has put an end to the creation of the Eurasian Economic Union // <http://echo.msk.ru/news/1329978-echo.html>, accessed 05.11.2021. (In Russ.)